

МЯМЛЯ

У

ж как хотелось Саше Мямлину встретить Зою из роддома, столько было счастья припасено для такого случая, но все сорвалось.

Жена отправилась в роддом здоровой, а там выяснилось, что она простуженная, такой и пришлось рожать. Еле-еле справилась, Бог миловал. Он помог, но с врачами не поспоришь: оставили на неделю в больнице. Пришлось Саше частенько томиться ожиданием под окнами больничного корпуса, куда перевели Зою из родильного отделения; из-за карантина в больнице он проникал на территорию через лаз в заборе и, позвонив, дожидался, выглядывая из кустов, когда она, пусть и не сразу, мелькнет в окне. Охранники несколько раз выгоняли Мямлина за территорию, а потом пригрозили:

— Еще раз появишься — в полицию сдадим!

И он стал караулить за больничной оградой, но Зою редко видел. Саша переживал от обидной неопределенности, хотел узнать, что случилось, почему вдруг она так изменилась, если даже по телефону толком не поговорит. Он спросит о до-

ченьке, о самочувствии, а она ничего не расскажет, не поделится, словно и не радость к ней пришла вместе с дочуркой, а страшное несчастье. Но как-то ее прорвало:

— Чего говорить, чему радоваться-то... Мы с дочей в разных отделениях лежим. А ты обманщиком оказался! Вруном несусветным!

— Что случилось? — спросил он в надежде хоть на какое-то объяснение, но услышал обидную отговорку.

— А ты сам подумай, а потом спрашивай! — упрекнула она, заплакала и отключила телефон.

Он потоптался, повздыхал и отправился домой. Само собой вспомнилось, как два года назад он оказался в этом районном городе, как познакомился с Зоей, когда переехал из поселка в выделенную ему, как детдомовцу, однокомнатную квартиру, отошедшую государству после кончины одинокой жительницы. Да и трудно было не познакомиться с Зоей, если она жила в соседнем переулке, а на работу они ездили в одном автобусе. Вернее сказать, она сама познакомилась из-за мести своему парню, которого провожала в армию какая-то мымра из колледжа. Зоя лишь перед самыми проводами поругалась, и от этого становилось еще обиднее. А тут новый кавалер появился: скромный, опрятный, но очень и очень стеснительный: поздороваётся, а в глаза заглянуть — это не для него. И все, как поняла Зоя позже, из-за своего шепелявого голоса. Даже из-под усов было видно, что губа у него какая-то необычная. В первое время Зоя не решалась спросить, отчего так, да и не спросишь прямо, а когда познакомилась поближе, он сам сказал, когда она уж слишком внимательно начала приглядываться к его внешности, но он-то знал, что приглядывается она не к его кучерявой шевелюре:

— Не обращай внимания... Это меня лошадь в раннем детстве копытом припечатала. — И смутился, даже покраснел. — Поэтому и усы ношу.

— Они тебе идут...

Саша думал, что Зоя бросит его, но нет, даже внимательнее стала. После работы и по выходным частенько приходила к нему и сразу принималась наводить порядок. Он ее стеснительно останавливал:

— Да ладно... Семья у вас многодетная, и без того постоянно приходится помогать матери.

— Ну и что. Там одна забота, а у тебя другая.

Саша видел, что ей очень нравится быть хозяйкой, она могла, когда уж совсем делать нечего, бесконечно переставлять горшок с геранью из кухни в комнату и обратно. И каждый раз видела в этом что-то новое. А ему все равно, где будет стоять цветок прежней жилички. Ему нужна была сама Зоя. Особенно, когда оставалась ночевать.

— Тебя не будут дома ругать? — спросил он однажды, стесняясь спросить еще о чем-то или что-то сказать.

— Некому. Отец на Северах на заработках, мать с четырьмя моими братьями и сестрами колупается. Она только будет рада, если свалю из дома. Да и совершеннолетняя я, своя голова на плечах есть.

Наверное, поэтому она и домой к себе не очень-то приглашала, сразу почувствовав себя у Саши хозяйкой. Только раз как-то зашли вместе, чтобы забрать Зоины вещи, да и то когда никого не было. А вскоре он и сам ей накупил нарядов, потому что третий год работал сварщиком в автосервисе и деньжата водились. И вообще он все отдал бы своей чернявой и бойкой Зойке, к которой сразу привык, и готов был за нее биться, если пришлось бы. Это в детдоме его звали Мямлей, но там другие отношения,

там все другое. Там чуть чего не так — мигом затащат за угол и надают по шеем. Да и в самом поселке могли накомостылять, но побаивались детдомовских. А в городе каждый за себя: сидят пацаны у компов и бои без правил смотрят, силу воли тренируют на удаленке. А коснись — себя-то защитить не смогут, а не то чтобы за кого-то постоять.

О себе он не думал, у него теперь было, кого защищать. Саша ранее не представлял, что это значит любить девушку, ночевать с ней. Это такое, оказывается, счастье! В детдоме почти у всех старших ребят были девочки, все об этом знали, но делали вид, что ничего особенного не происходит. Только у Саши не имелось и еще у одного пацана по прозвищу Ботаник — тот все свободное время проводил в библиотеке, где были компьютеры, и не бои он смотрел, а изучал историю времен и народов и готов был бесконечно рассказывать о минувших веках. Поэтому неудивительно, что он с медалью окончил школу и поступил в университет на бюджетное обучение.

У Мямлина таких способностей к учебе не имелось, зато лет с тринадцати стал первым помощником завхоза. То столяркой с ним занимался, то, как заправский водопроводчик, резьбу на трубах крутил, а то смело брался за газовый резак. Когда пришло время выбрать профессию, то захотел выучиться на газоэлектросварщика, а не на водителя, как большинство ребят из его группы. Поэтому при расставании с детдомом у него на руках заветное удостоверение. Саше помогли устроиться на работу по специальности и посоветовали пока не соглашаться на предлагающееся жилье — обычную комнату в какой-нибудь неухоженной коммуналке.

— Потерпи немного — поживи на съемной, — предупредил как друга-приятеля директор, которого за хромоту называли «стук-нога», хотя никогда вроде бы не выделял Мямлина среди воспитанников, — а при первой возможности тебе отдельную квартиру предоставят. Такая договоренность имеется... — и многозначительно потрепал по мягким, льяным кудрям Сашу; уважали его — отзывчивого и необыкновенно совестливого. И вот его отзывчивость и совестливость удачно соединилась с Зойкиной настырностью, умением добиться своего; она это могла как никто, научившись общаться с покупателями в продуктовом магазине.

Саша в этом убедился еще раз, когда после родов она уж очень резко изменила отношение к нему. Ведь что-то должно было произойти, ведь ничего не бывает на пустом месте. Он ходил в эти дни сам не свой и ничего не понимал. Вот уж две недели минуло, как Зою выписали из больницы, и она ничего не сказала о своей выписке Саше, словно и не существовало его. Спасибо, ее мать позвонила и укорила: «Что же ты, Александр, даже ребенка не зайдешь посмотреть?!» — «А меня кто звал?!» — только и сказал он, проглотив обиду. И это было действительно так. Зоя лишила его, быть может, самого трогательного мгновения в жизни каждого отца — встречи ребенка из роддома, а он не знал, что делать: ну не будешь же жаловаться ее матери, чтобы она переубедила дочь. Он сам звонил Зое, просил о встрече, но она превратилась в каменную стену. Когда же, не узнав себя, повысил голос, она холодно просила:

— В зеркале давно видел себя? — У Саши все оборвалось в душе. — Что молчишь? — Зоя продолжала казнить, и, похоже, это ей доставляло радость. — Ты скрыл, что у тебя врожденный дефект. Это заболевание наследственное, и оно передалось ребенку. Вот каково ей теперь будет жить с этим? Ладно бы мальчик, а то девочка, понимаешь — де-воч-ка!

Саша молчал и чувствовал, как колотится сердце, как сразу вся жизнь

облемилась и разрушилась. Ведь он не желал никого обманывать, тем более Зою, он ничего не знал определенного о дефекте, лишь с детства жило в памяти объяснение какой-то тети в белом халате, когда спросил о своем шраме на губе.

— Это тебя лошадка ударила... — услышал он в ответ. — Ребятишки баловались — у лошади из хвоста волосы на свильцы дергали, а ты ни за что пострадал...

И более никто не говорил об этом, не заострял внимания, а сам он не очень-то вникал: какой есть, такой и есть, поэтому сжился с легендой о «лошадке». Так было легче и спокойнее. Лишь стеснялся Зою первое время, и переживал, рассказывая, почему его не призвали в армию: мол, дикция не соответствует, хотя к этому времени вполне знал о своем дефекте. Но так о нем не хотелось говорить.

— Ну и хорошо, что не забрали! — радовалась она. — А то мы и не встретились бы!

И все было хорошо, но вот теперь, оказывается, все перевернулось. И он растерялся.

— И кто тебе это сказал? — спросил он у Зои дрожащим голосом, имея в виду ее слова о дочери и не веря им.

— У самой глаза есть. А когда врач спросила, есть ли кто-нибудь в родне с таким заболеванием, ну я и вспомнила о тебе, как ты ловко притворялся, рассказывая о «лошадке».

— Да не притворялся я. Действительно верил в это, — тихо сказал Саша, будто приговор себе подписал. — И что теперь? — спросил он, ни на что более не надеясь.

— Что-что... Развод и девичья фамилия...

— Могу я свою дочку увидеть?

— Нет... А если придешь и будешь ломиться в дверь — полицию вызову! Ты меня знаешь! — и отключила телефон.

Мямлин захотел сразу пойти к Зое, чтобы, во-первых, посмотреть на дочь, а во-вторых, сказать... Что он скажет, как посмотрит — он не знал, но что-нибудь придумалось бы, уж не совсем он мямля-то. И он уж было собрался, но у двери остановился и почувствовал, что нечем дышать, и упал на диван без чувств, без мыслей — как полено.

Несколько дней находился в тумане и не знал, сколько еще будет сам себе рвать душу, думая более не о Зое, а о дочке, которую даже не знал, как зовут. Зоя зачем-то скрывала ее имя и непонятно чего добивалась. Это надо такое придумать, чтобы новорожденную не показать отцу?! «Что ж, насильно мил не будешь — не зря ведь говорят!» — вспомнил он поговорку. Хотел этим утверждением поддержать себя, успокоить, заставить забыть, но разве легко это сделать.

И все-таки он как мог настраивал себя на другую жизнь, не зная теперь, какой она будет. Гнал все воспоминания о Зое, вот только дочурка не давала покоя. В выходные дни он несколько раз издали наблюдал за Зоей, гулявшей с коляской на бульваре, и не узнавал ее из-за худобы — так она изменилась после родов и болезни. Всякий раз хотел подойти, хотя бы мельком взглянуть на дочку, но так и не смог победить себя, переступить невидимую черту обиды и непонимания. И тогда он перестал ходить на бульвар, затворил душу и ничего, кроме работы, не знал, понимая, что никто его не ждет и никому он не нужен.

Если Мямлин не маячил бы на бульваре, то, быть может, Зоя быстрее бы забыла его, но он появлялся, хотя чего добивался — неизвестно.

Она не знала его планов, мыслей, но все равно его настырное стремление увидеть их с дочуркой радовало, и теперь уж незаметно для себя она за-была, как ругалась на Сашу, укоряла, хотя можно ли его укорять, если вины ни в чем не было. Особенно она повеселела, когда услышала от детского врача, что через полгода можно будет делать косметическую операцию дочке, и шрам на губе с возрастом почти не будет заметен. Это-то и радовало, помогло по-иному посмотреть вокруг себя и вспомнить о Саше. Молодец же, что не остался равнодушным, мелькает перед глазами. Значит, по-настоящему любит! Это-то и подтолкнуло Зою посмотреть на себя по-другому, оглядеться и понять, что не все в жизни так плохо. Все поправимо и преодолимо. Она даже хотела как-нибудь поговорить с ним, но он вдруг пропал и более не прятался за деревьями и ларьками.

Саша не знал, о чем все это время думала она, вспоминала ли. Неужели в ее душе ничего ни разу не шелохнулось? Вот уж второй месяц пошел, как она выписалась из больницы, а ни слуху ни духу. Была — и нет ее. И на бульваре перестала появляться. Насовсем, что ли, испарилась? Он вполне бы в это поверил, если б однажды, возвращаясь с работы, не увидел ее около своего подъезда, а рядом с ней — замершую высокую коляску с кисейной бахромой. Он остановился в нескольких метрах, не решаясь подойти ближе, словно боялся спугнуть неправдоподобный, но необыкновенно приятный сон. Но этот сон сразу улетучился, когда Зоя улыбнулась глазами-угольками и вздохнула:

— А вот и мы...

Сердце у Саши в этот момент полыхнуло жарче жаркого. Он чуть не задохнулся от нехватки воздуха, зачем-то брякнул первое, что пришло на ум:

— За вещами пришла?..

— Ага... Угадал — за ними. Пошли. А пока коляску держи — Юлька очень соскучилась по тебе. Весь день покоя не дает, спрашивает: «Где папка, где наш папка?»

Он смотрел на Зою и чувствовал, что не может удержать слез от ее шутки. Хотел что-то сказать, объяснить, но ничего не получилось, когда она подошла, обняла и, прижавшись, посмотрела в тревожные и глубокие темно-синие, блестящие слезой глаза.

ЖИВАЯ ДУША

Андрей Степанович — охранник автостоянки. За уверенность в себе, солидность его уважительно называют Степанычем. Годков ему за шестьдесят, бывший танкист, подполковник в отставке, служит на стоянке второй десяток лет. Работа спокойная, хотя, когда рядом открыли новую станцию метро, машин прибавилось. Очень удобно для иногородних: въехал в Москву, поставил авто, чтобы не толкаться в пробках, и в любой конец города катись на метро без проблем. Дела уладил, вернулся к машине — и езжай хоть в Тулу, хоть в Воронеж или еще дальше.

Только-только Андрей Степанович сегодня заступил на дежурство, как приехали липецкие, судя по номерам, — муж с женой и дочка с ними, попросили разрешения поставить машину.

— Нет проблем! — охотно согласился он. — Надолго?

— Часа на три-четыре... Дочка подаст документы в университет, и мы сразу назад. Чего по жаре таскаться!

Он записал в журнал данные техпаспорта, отметил время прибытия и указал на свободное место на стоянке:

— Вон к тому синему пикапу машину паркуйте, — подсказал он, зная, что хозяин этого места вернется с работы поздно вечером. — И оставьте на всякий случай номер телефона.

Одетый явно не по погоде, белобрысый мужчина достал из внутреннего кармана ветровки авторучку, старый магазинный чек, написал номер телефона и получил взамен визитку с адресом и телефоном автостоянки. Степаныч пояснил:

— Это на всякий случай, а то, бывает, люди заплутают и забывают, где оставили машину.

— Можно не объяснять, — небрежно хмыкнул мужчина и с семейством отбыл к метро.

Вскоре подъехала еще одна иногородняя машина, Андрей Степанович и ее оформил. Потом решил попить чаю, пока не так жарко, но передумал. Достал из холодильника квасу, полистал рекламную газету, даже немного вздремнул в кресле. Подремав, вышел прогуляться, осмотреть территорию. Непонятное движение за тонированными боковыми стеклами липецкой машины привлекло внимание, но, присмотревшись, он понял, что это обыкновенные блики. Вернулся в будку, включил телевизор. Смотрел какую-то программу и не видел, потому что мысли были заняты совсем другим. Вернулся к машине и только теперь разглядел в салоне темно-шоколадную таксу, юлой крутившуюся на заднем сиденье... И сразу подумалось: так ведь жарко ей там, окна-то сплошняком закрыты, а хозяин-дуралей не подумал о собаке — бросил на произвол. И что теперь делать? Двери подергал — закрыты. Тогда вернулся в дежурку, взял старую куртку и накрыл часть стекол и крышу. Но разве всю машину занавесишь.

А такса тем временем вела себя все нетерпеливее, даже сквозь стекло было слышно, как она испуганно тявкала и скулила. Степаныч позвонил хозяину, но телефон оказался недоступен. Тогда позвонил владельцу стоянки.

— Семен Аркадьевич, не знаю, что придумать?! Машину тут липецкую поставил, а в ней таксу хозяева забыли или не подумали о ней. Сказали, что через три-четыре часа вернутся, а я боюсь, что она не дожидется их — загорит от жары.

— Тебе-то чего... Пусть хозяева думают, прежде чем собак в машинах бросать!

— Жалко собачку... Живая душа все-таки...

— Ну а я-то чем могу помочь? Не сюсюкай, а звони хозяевам, скажи, чтобы не задерживались.

— Звонил... Трубку не берут.

— Ладно, Степаныч, это пустой разговор.

— Тогда я форточку разобью!

— Делай, что хочешь! Тебе платить потом!

Хозяин отключил телефон, и Андрей Степанович совсем расстроился. Ушел в дежурку, чтобы не смотреть на мучения животного, а такса из головы не выходит. Не утерпел, еще раз сходил, посмотрел на собачку, а она опрокинулась на сиденье и не шевелится. «Уж не сдохла ли?» — вздрогнул он и чуть ли не бегом припустился назад, схватил попавшийся под руку топорик. Не раздумывая, саданул по задней форточке — она сразу на мелкие осколки, очистил края, чтобы не порезаться, и еле дотянулся до ручки. А как дверь открыл, то заголосила сигнализация. Он ее и не слышал почти, а сразу подхватил таксу и скорее с ней в дежурку. Поло-

жил на ступеньки в тенечек и начал брызгать на нее водой. И собачка зашевелилась, туманно посмотрела на своего спасителя и строго гавкнула в ответ на лай Рекса, томившегося в закрытом на день вольере. Степаныч повеселел, сказал таксе: «Ну если перебрехиваешься, то жить будешь!» А она тем временем поднялась, Степаныч налил ей в миску воды. Пила собачка чуть ли не захлебываясь, а потом, как раздутая пиявка, вновь улеглась на пол, настороженно посматривая на своего спасителя. В ответ он направил на нее вентилятор, а такса блаженно закрыла глаза, уронив голову на лапы.

Она первой услышала своих, когда они, весело переговариваясь, появились на стоянке, сбежала со ступенек им навстречу.

— Не понял?! — изумился отец семейства — лысоватый, крепкий. — Почему она не в машине? — спросил он у появившегося охранника.

— Чего же непонятного — оставили собачку умирать в салоне. Пришлось заднюю форточку разбить, спасти живую душу!

— Как это разбить?

— Да очень просто, — сердито отозвался Степаныч, понимая, что сейчас начнется ругань. — Топориком!

Они прошли к машине, хозяин растворил двери, начал сметать осколки стекла, пригрозил:

— Да я из тебя, дед, сейчас из самого душу выблюю! Ты хоть представляешь, что натворил-то: у новой машины стекло разбил?!

— Не переживайте, молодой человек, я уплачу стоимость стекла...

— Заплатит он... А разборка-сборка, то да се... Съездили называется в столицу... Это все не меньше ста пятидесяти долларов стоит!

— Миша, здесь двумя сотнями не отделаешься! — сделав страдальческое лицо, встряла его всклокоченная жена, крашенная брюнетка, в расстегнутой чуть ли ни до пупа белой блузке; прыщавая дочь-очкарик молчала.

— В любом случае заплачу, — твердо сказал Степаныч. — Рублями можно?

Хозяин машины не ожидал такой покладистости охранника, смягчился:

— Заплатит он, богатей! Ладно, давай сто баксов — и разбегаемся. — И припугнул жену: — А ты не лезь в мужские разговоры, советница!

Он отсчитал несколько купюр из заначки, начал гоношиться с мелочью, чтобы вышло по курсу.

— Ладно уж, я не крохобор, чтобы копейки собирать.

Хозяин машины смахнул остатки стекол с сиденья на асфальт, проверил сигнализацию, сказал жене:

— Поехали отсюда!

— Собаку-то не забывайте!

— Где она?

— За вами стоит...

Забросив таксу в машину и затолкав жену и дочь, покрасневший липчанин поспешно выехал со стоянки. Только и видел его расстроенный Степаныч. И не из-за денег опечалился, а от всей этой истории, в какую оказался втянутым не по своей вине. Когда вместо того, чтобы услышать благодарное слово, еще и виноватым оказался.

Примерно через час появился хозяин автостоянки — и сразу с вопросом:

— Где эта машина-то?

— Уехали они.

— Полицию вызывали?

— Нет, спешили... На месте с ними расплатился.

— Ну и хорошо, что все обошлось, — посматривая на рассыпанные стекла, сказал Семен Аркадьевич, потряхнув лохматой рыжей головой. — В следующий раз думай, прежде чем портить чужое имущество.

Он прошел в дежурку, полистал журнал, спросил:

— А чего же липецкую машину не записал?

— Ну как же — отдельной строкой, время отметил...

— Только прибытие зафиксировано, а убытия нет. И сумма не указана... Что молчишь?

Степаныч замаялся, словно рядовой-новобранец перед грозным лейтенантом:

— Забыл в суматохе.

— И денег не взял?

Тот лишь виновато пожал плечами. Вспомнил, что липецкие визитки увезли. Хотел промолчать, но гордость не позволила, вздохнул:

— Они и визитку прихватили...

— Ну что же — из своего кармана за все уплатишь, если лоханулся! Не узнаю я тебя!

Андрей Степанович хотел напомнить о живой душе, сказать, что у него дома точно такая же темно-шоколадная такса с огромными доверчивыми глазами, но не стал ничего объяснять. Взял метлу и отправился убирать с асфальта битые стекла.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ

Здесьняя местность отличается зарослями ивняка и высокой травы, торфом в болотинах и рыжевато-коричневой водой в ручьях. Они то петляют в осоке, то вдруг пропадают в густом ольшанике, а выныривают из него в сотне метров, поменяв направление. Или превращаются в мелиоративные канавы и лениво скатываются в широкое зарастающее озеро, а в половодье и дождливое лето через единственную протоку вытекают в реку. Чтобы добраться до чистой воды сквозь заросли, надо десять потов пролить и тучу комаров накормить. Поэтому летом на нем мало кто рыбачит. Зимой — другое дело. Но необходимо знать места, если озеро забито топляками. Лишь середина да два-три залива более или менее пригодны для рыбалки.

Все это имел в виду Леха Нырков по прозвищу Нырок, когда отправлялся пожить зубастыми щуками. На вид обычный невысокий мещеряк: остроносый, светловолосый и говоривший скороговоркой. Возраста неопределенного, жил неровно, можно сказать, кособоко — мечтательный и застарелый холостяк, единым словом. Его отец работал машинистом тепловоза на узкоколейке, пока она действовала, мать до конца жизни крутилась на лесоскладе учетчицей. Кое-как окончив восьмилетку, Леха болтался по селу, любил заводить разговоры со стариками о жизни, спрашивал, есть ли она на иных планетах и в каком виде. В общем, чудил парень. Ему бы жениться, но за него не очень-то цеплялись. После армии мать устроила его на сезонную работу в питомник лесничества — какой-никакой, а все-таки заработок.

Когда же не стало родителей, зимой Леха перебивался случайным калымом да рыбалкой на озере: себя обеспечивал рыбой и на трассе продавал. В иной год мог месяц-другой поработать на лесопилке, но не более.

К женщинам имел особое отношение и при удобном случае не терпелся. Из-за этого нарывался на скандалы. Как-то в драке с мужем москвички, в отпуске спутавшейся с ним, Леха, уступая в силе и праведном гневе, даже схватился за вилы. Еле остановили его мужики. С той поры он осторожничал, но приезжим женщинам спуску не давал.

— Когда угомонишься-то?! — шпыняли бабы в магазине. — Из-за тебя одни скандалы. Уж седой наполовину, морщины одна за другую цепляются, а все туда же!

— У меня верх коряжистый, а все остальное молодое! — ухмылялся он и горделиво смотрел на сельчанок. — Все как по щучьему велению работает!

С местными дамами он озоровал только на словах, с мужиками не бузил, зная, что они относятся к нему с опаской, считая «вольным стрелком», способным на каверзы, но при случае могут и накостилять, поэтому о Ныркове частенько забывали до очередной свары. И он радовался этому, душа его тогда рвалась ввысь, словно хотела избавиться от сплетников, тесно и душно ему становилось среди них. Леха особенно страдал от невозможности заглянуть за горизонт, его взгляд постоянно утыкался то в кусты, то осоку. Чтобы не мелькать на улицах, он соорудил нынешним летом смотровую площадку на высоченном ясене, росшем за двором, и, если накатывало мечтательное настроение, в выходные забирался приставной лестнице и сучьям на макушку. Он будто жил среди птиц, частенько отдыхавших на ясене и не ожидавших встретить здесь человека, а потому совершенно его не остерегавшихся. Часто прилетали из лугов стаи скворцов — отдохнуть, почистить перышки. Они шумно окружали его, а он рассматривал переливчатое оперение и удивлялся его чистоте. А вот касаточки молниями проносились мимо, прежде чем скрыться в гнезде под карнизом его избы, и он не успевал их рассматривать. А как-то голову повернул — сокол чеглок замер столбиком на ветке и удивленно вперился огромными черными глазами, будто спрашивал: «Ты кто?» Леха от такого нахальства перестал моргать, а моргнул — чеглок пропал в листе.

Если птицы не прилетали, он, поудобнее устроившись на сидушке, подолгу смотрел вдаль, словно кого-то ожидал. Когда же отыскал в чулане отцовский бинокль, то все село оказалось на виду, раскинувшееся между озером и стеной сосняка и разбегавшееся вереницами неровных улиц. Он будто летал над ними вместе с касаточками, скворцами, охватывая взглядом нескончаемую красоту зеленого горизонта, терявшегося в кучерявых облаках.

Интересное занятие придумал Нырков. С ясеня не только можно любоваться небесными птицами и открывающимся раздольем, но и наблюдать за ничего не подозревающими соседями, открывая их неприглядные замашки. Взять соседку Дарью. Как-то, думая, что Леха ничего не видит, она запросто зашла в его сад, набрала в подол груш-тонковеток; наклонялась за ними тяжело из-за полноты, а к себе нырнула по-воровски ловко и закрыла лаз приставным колом. Леха хотел ее окликнуть, остановив, но не посмел из-за неожиданного навалившегося стыда, словно воровал он сам, да и не хотелось выдавать «гнездо». И жалко ее почему-то стало. Ведь она много лет ухаживала за лежачим мужем, одна крутилась, не надеясь на детей. Иная давно бы оформила мужа в интернат, а она, страдая от давления и диабета, с утра до вечера колупалась с ним и никогда никому не жаловалась. Поэтому и ничего не сказал ей, не оклик-

нул. А через день все-таки прибил кол к прожилине, набрал миску груш и отнес Дарье, оставил на крыльце. Поняла она намек или нет, но более Леха не замечал ее в своем саду.

Сосед с другого бока, Слава Потапов, — шофер, этот тоже проявил себя большим любителем груш и сливами не брезговал. А как-то загнал грузовик в свой двор и ссыпал полкузова добытого где-то зерна. Подобные картины переставали быть тайными не так уж редко и не только с участием соседей. Многие сельчане словно соревновались в пронырливости, умении положить глаз на все, чем можно втихомолку поживиться.

Из-за этого высотные бдения вскоре перестали приносить радость. Леха остерегался окончательно разувериться в земляках, хотя всегда думал, что они вполне обычные. И хорошо, что лето вскоре закончилось, а осенью на ветру да под дождем не очень-то поблаженствуешь на ясене. Да и домашние заботы никто не отменял. Хотя, кроме кур, у него из живности никто не водился, не считая кота, но хватало других хлопот: запастись дровами, перекопать под зиму грядки — и не только. Это в жару ничего делать не хотелось: сидел бы и сидел на ясене, обдуваемый ветерком, а теперь только успевай крутиться. А после того как выбрал картошку, иное волновало: новая соседка Анюта, купившая дом напротив. Как-то поговорил с ней мельком и узнал, что она работала медсестрой, а теперь вышла на пенсию и оставила квартиру сыну с семьей.

— Я сама деревенская, с Иртыша, ваше привольное место на наше похоже, — нахваливала она село, изучая Леху из-под пегой челки серыми глазами. — И до города недалеко.

— Есть такое дело, но надо обаркаться... — сказал Ныркв, не зная, что еще сказать.

Это был их первый разговор, а следующим вечером она сама пришла, попросила о помощи:

— Алексей, как оказалось, у меня очень мало дров, а ведь зима впереди!

— Ничего удивительного. Когда дома продают, то о дровах не думают.

— Сможете организовать? Естественно, все оплачу!

— Все как по щучьему велению будет. Сосновая обрезь из леспрохоза устроит? Если устроит, то и машина найдется! — пообещал он, вспомнив о Потапове.

— Как бы я рада была этому.

Дрова привезли Анюте в конце недели. Полный КамАЗ свалили у дома. Леха исполнил обещание, потому что ее просьба растревожила, заставила по-иному посмотреть на себя. Сколько он помнил прежних женщин, то всегда будто воровал их с чужого стола: хапнул — и в закуток. И чем он в таком случае лучше односельчан, за которыми наблюдал с ясени? Значит, он такой же, как все. Вот это как раз и не нравилось. К тому же соседка — не дачница. Она казалась яркой люстрой в магазине: любоваться можно, а прикоснуться боязно. В какой-то момент родилась дерзкая мысль о том, что Анюта послана свыше именно для него, и робеть перед ней стал по-настоящему.

Когда она заплатила по квитанции за дрова, а Вячеславу отсчитала приличную сумму за доставку, то спросила:

— Ребята, может, крупные распилите и поколете? А то куда уж мне одной!

— Запросто. Бензопила есть, — пообещал Ныркв. — Сам разберусь.

А у него жена дотошная, проходу не даст! — и, усмехнувшись, кивнул на соседа.

В ближайший выходной он распилил крупные обрезки, отбракованные бревна, сложил кругляши под навес и пообещал Анюте:

— Когда работы в питомнике не будет, тогда и переколю.

В ноябре он за несколько дней справился с этим делом. С утра до вечера махал топором, а когда темнело, Анюта звала в дом и усаживала за стол. Лехе простая еда казалась необыкновенно вкусной, а если рюмку махнуть — вообще благодать. Раскраснеется с холода, захочет рассказать о себе, но духа не хватало. Еще бы рюмкой разжиться, тогда, глядишь, и язык бы развязался, но хозяйка более не предлагала, а нахальничать — совесть не позволяла. Молчал, слушал, млея от слов собеседницы. Потом благодарил и уходил, а уходить совсем не хотелось.

В дни, когда махал топором да убирал поленья в сарай, частенько выслушивал подначки Вячеслава — худого, прогонистого, так и крутившегося перед глазами — будто разбирало мужика.

— Это чего же, в женихи, что ли, набиваешься? А что, бабенка ловкая, мелкая — прокормить легко, такая вполне сгодится для хозяйства и всего прочего. Так что не теряйся. Я бы и сам запрягся, да жена грызть начинает, как увидит около ее дома. Видишь, опять столбом у веранды маячит! — уныло косился он, мусоля зубочистку из гусяного пера.

С весны Потапов пропадал в хозяйстве, бывшем совхозе, чуть ли сутками не вылезал из-за руля, а к зиме чаще мелькал перед глазами. Слушать его не хотелось, ведь не от души говорил, будто насмехался. Всегда он такой: сперва будто крапивой острекает, а потом улыбнется. И всех мужиков в селе бездельниками считал и очень не любил, особенно рыбаков, когда они что-нибудь просили. Сам-то Потапов рыбачил редко, но метко: удочки и жерлицы не признавал, даже на балансиры не зарился, а любил ездить в глухозимье на дальние озера. Найдет замор, мешка два-три рыбы возьмет — вот это рыбалка. Для этого и снегоход пригодится, который для охоты купил: не на себе же при случае лося из леса тащить или кабанчика. А эти, которые с жерлицами ходят, только и знают что попрошайничать. Недавно Леха заикнулся о зерне для кур, но сразу же получил отказ.

— Откуда же у меня зерно-то, мил человек?! — словно у подозрительного чужака спросил Потапов.

— Да ведь пару ведер всего прошу, курам на морозы. Видел же, как сгружал. Чего уж таишься-то. Соседи все-таки.

Вячеслав посмотрел злой прищуркой, понимая, что деваться некуда, процедил:

— Послезавтра жена к детям поедет. Когда автобус отчалит, тогда и приходи с мешком. А при ней и думать не моги. И вообще поменьше языком-то мели! Пузырек не забудь — обмоем это дело.

Через день Леха удачно разжился зерном, успокоился и стал ждатьледостава.

Ныне зима, как обычно в последние годы, запоздала, поэтому более или менее надежный лед появился лишь к началу декабря, и Нырков начал ставить жерлицы. С первого же улова отнес щуку Анюте. Себе же за неделю столько натаскал, что за месяц не поест. Нажарил, накрутил котлет — полностью морозилку забил, немного засолил, опасаясь оттепели, а щук помельче развесил вялить. Запас сделал, но продолжал рыбачить: какой смысл дома сидеть, если можно кое-чего на продажу наловить.

Вскоре пришли настоящие морозы. Леха ходил на озеро по будням, когда не было чужих, съезжавшихся в выходные со всей округи. Но за день до Нового года приезднился, обнаружив в курятнике погибшую курицу. По обгрызенной голове понял, что наведалься хорек. Пришлось заделывать лаз в полу, проверять подозрительные места. На озеро собрался только после обеда. В другой бы день не пошел, да обещал Анюте щуку к Новому году, зная, что она ждет сына с семьей. Завтра уж новогодняя ночь, нельзя до последнего откладывать. А теперь всего-то и оставалось два-три часа, чтобы успеть до темноты. Из избы вышел — Анюта убирается у своего крыльца. Увидев его с рыбацким снаряжением, окликнула:

— Не поздновато собрался-то?

— Обещание надо выполнять.

— Тогда другое дело! — улыбнулась она.

Вскоре он был на льду, насверлил лунок, насадил живцов и расставил жерлицы; лед стал почти полуметровым, поэтому времени ушло немало. Ожидая отстрела флажков, он поднял воротник, сел на ящик спиной к ветру. Одинокие рыбаки, видневшиеся вдаль, ушли, и он от скуки закрыл глаза и задремал. Даже увидел сон. Вот возвращается с озера и стучится к соседке. Она мелькнула из-за герани в окне и, рассмотрев гостя, все-таки спросила из сеней: «Кто?» — «Это я... Щуку принес!» Соседка распахивает дверь, а он гордо преподносит ей увесистую рыбину: «Жила на три будет!» Приврал, конечно, но какой он тогда рыбак, если не приврать. Анюта после его радостных слов что-то говорит, а что именно — не разобрать, но что-то ласковое и приятное...

Очнувшись, Леха осмотрел пригнутые ко льду сигнальные флажки — ни одного сработавшего. Обидно сделалось. Зря, получалось, притащился на озеро. Надо бы дома отсидеться, если уж день с утра не заладился. Тем более что погода начала меняться, а при смене погоды щуки ленивые. Это он давно знал, изучив их повадки, и даже хотел уйти, особенно когда начался мелкий, колкий снег, но и пустому уходить не хотелось.

Тепло одетый, он неуклюже поднялся, прошелся вдоль жерлиц, черпаком очистил подмерзшие лунки от снега. Заметив, как сгущаются сумерки, подумал: «Все-таки пора собираться — толку сегодня не будет!» И сразу увидел вздыбившийся флажок. Жарко сделалось. Подбежал, рухнул на колени, рукой очистил лунку и потянул леску. Сперва показалось, что она зацепилась, но вдруг скользнула в ладони, и он перехватил ее, слегка отпуская. А отпустив, понемногу начал выбирать, но вновь почувствовал рывок, и по его силе понял, что рыбина попалась знатная. И сразу сердце заколотилось по-особенному. Он помаленьку вываживал добычу, то слегка отпуская, то позывая леску. И вот наступил момент, когда вода заволновалась, слегка вспучилась — еще немного и покажется зеленая щучья морда. Попытавшись вытянуть добычу, он понял, что щука оказалась огромной, не проходившей в лунку. Ему попадались такие. Тогда багром подхватывал рыбину под жабры и выдира наружу. Сегодня багор не взял, а он как раз пригодился бы. Поднял рукав куртки и свитера и попытался подцепить добычу рукой, пока присосабливался — четыре пальца оказались в сомкнувшейся рыбьей пасти. И сразу полоснула боль. Чертыхнувшись, он попытался освободиться, но чем сильнее шевелил пальцами, тем больше впивались кривые щучьи зубы; а тройник, похоже, проколол мякоть большого пальца. Получалось, что он не мог ни вытащить щуку, ни отпустить ее, словно попал в капкан.

Леха на какое-то время затих, обдумывая ситуацию, и решил, пока

рука не занемела в ледяной воде, резко вырвать ее, пусть и с мясом. Посильнее дернул ею, но чуть сознание не потерял от боли. Мелькнула мысль: «А ведь так и крикнуть недолго, и никто не поможет!» Нырклов понял, что дела его плохи, но сдаваться все равно не хотелось. Он продолжил помаленьку шевелить рукой, пытаясь найти такое положение, при котором пальцы освободились бы из рыбьей пасти. Но как только начал шевелить ими, то и щука дергалась в ответ, добавляя боли. В такие моменты он скрипел зубами и замирал.

Вскоре рука перестала чувствовать боль, и стало по-настоящему страшно. Он не знал, сколько продержится, а надежды на спасение с каждой минутой оставалось все меньше. Вспомнил о мобильнике, но вспомнил и то, что, торопясь на озеро, тоже забыл его, как и багор. Тогда попытался дотянуться до бура, но, дотянувшись, понял, что пользы от него никакой. Была бы пешня — другое дело. Леха затаился, задумался, но ничего не придумывалось. Прогоняя усталость и оцепенение, заставил себя взбодриться, начал мурлыкать какую-то мелодию и почувствовал на щеках слезы, понимая, что никому он не нужен, никто не вспомнит о нем в этот глухой час.

Если бы он знал, что Анята начала тревожиться, то черные мысли не душили бы. А ей в какой-то момент стало не по себе от предчувствия: «Давно стемнело, а Алексея все нет и нет!» О щуке, которую он обещал, она уж и не думала. Теперь душа болела за него самого, и она не выдержала, отправилась через дорогу к Потапову, постучала в окно. Хлопнула входная дверь, вспыхнул свет в веранде, показался хозяин.

— Что случилось?

— Переживаю! Алексей давно должен с озера вернуться, а его все нет и нет...

— Ну а я чем могу помочь?!

— Надо бы найти его. Сама бы сходила, да не знаю, где искать.

— Ага, еще и ты отправься. Потом двоих вас спасай! За него не волнуйся, придет, а мне завтра рано вставать.

Он захлопнул дверь, Анята охнула и, нечего более не успев сказать, пошла к себе. Но неожиданно дверь веранды вновь распахнулась, и Вячеслав остановил:

— Погоди... Когда, говоришь, он отправился-то?

— После обеда. А потом погода испортилась. Я вся испереживалась.

— Ты-то при чем?

— Ну как же — сосед все-таки...

— Ладно, иди домой. Сейчас смотаюсь на озеро... — смурно пообещал Потапов.

Анята присела на своем крыльце и обрадовалась, когда тот выгнал из гаража снегоход и, развернувшись, понесся по улице.

На снегоходе до озера всего ничего, но все равно Потапов, пока ехал, весь изнервничался от досады. «Нашлась заступница, — заочно шпынял он Аняту. — Без тебя жили, и все было спокойно. Нарисовалась на наше счастье!» Если бы Вячеслав не знал, где искать пропавшего, то и не поехал бы. Но тот мог быть только на «своем» дальнем заливе, поэтому в нужном месте выехал на лед и начал кружить, освещая фарой змеистую поземку. На третьем витке увидел снежную глыбу, подъехал, а это — мать честная! — Нырок согнулся у лунки! Вячеслав соскочил со снегохода:

— Леха, с сердцем, что ли, чего?

— Щука висит...

— Зачем рукой-то за ней полез? Багра нет?

— Только бур...

Вячеслав начал поспешно сверлить лед рядом с его рукой. Потом достал из ящика для инструментов вороток, разбил ледовую перегородку, подсказал:

— Помаленьку освобождай...

Тот осторожно вытянул онемевшую руку, а в нее огромная щучина вцепилась.

— Вот это да! — удивился Потапов. — Как она тебе пальцы-то не оттяпала?!

Он резко выдернул тройник из руки соседа, освободил и щуку, бросил на лед.

Леха, что-то пробормотав, шибанул ногой рыбину, как вражину, столкнул в развороченную лунку и устало опустил на сиденье снегохода, сунул раненую руку за пазуху.

— Зря отпустил, — вздохнул Потапов. — Мне бы отдал!

— Она моей крови напилась — есть будет гребостно.

Вячеслав быстро собрал в сумку жерлицы и вместе с буром и рыбацким ящиком Лехи перехлестнул резинками на багажнике. Наклонился к соседу:

— Ты как? Устраивайся нормально, не свались. Сильно гнать не буду.

— погоди, дай отдышусь. Достань в правом кармане сигареты и спички. — Потапов помог ему прикурить, и, затаившись дымом, Леха вздохнул: — Спасибо, Слава, большое! Теперь должник до самой смерти!

— Анютку благодари, а не меня. Это она переполох устроила!

Нырклов вздохнул:

— Но и ты молодец! — Он затаился напоследок. — Поехали, чего тебя морозить.

Обычно Потапов носился на «Бурани» как сумасшедший, а в этот раз рулил плавно, рытвины объезжал аккуратно, сильно не газовал и, постоянно оглядываясь, спрашивал:

— Как ты там? За меня держись — немного осталось.

От неожиданного внимания соседа Лехе становилось на душе теплее и теплее. Он и предположить не мог, что Потапов может быть таким заботливым. Всегда либо насмехался, либо пытался подшучивать, только шутки его казались кривыми, и все они с непонятным надрывом и плохо скрываемой обидой. А на что человек обижался — вопрос, если в доме достаток, работой обеспечен, дети в городах пристроились, с женой особенно не цапался. Или, может, жизнь такая, что всегда хочется большего, а то, что есть, не устраивает — поэму и брюзгой становится человек. Или от характера это. Ведь иной как ни старается, а его будто ветром сносит с твердого пути, все-то ему не так и не этак. Он бы и рад сделаться другим, да попробуй, выскочи из колеи, если туда занесло в сколезь. Потапов, как шофер, похоже, это очень хорошо понимал. Сам сказал, когда зерном поделился: «Жизнь — это колея! Из нее не каждый выберется!» Или, может, тогда запынел — и на откровения потянуло, ткнул пальцем Леху в грудь: «Давно смотрю на тебя, всю жизнь ты какой-то непутевый. Один перебиваешься и рад этому. А чему радоваться-то?» В тот раз он, поддавшись необъяснимой щедрости, вместо обещанных двух ведер чуть ли не мешок зерна насыпал, еле Леха дотащил до дому. Но на следующий день Потапов стал прежним, даже более скрытным, нелюдимым, будто запоздало жалел о зерне. Он бы, наверное, таким и оставался, если бы не

сегодняшний случай с соседом, пробудивший необъяснимое глубинное чувство взаимовыручки, заставивший скосырнуть привычную личину, хотя и не особенно в это верилось. Но сегодня его доброта выглядела именно так.

Вскоре они были в селе, и в свете фар мелькнула соседка, подбежала к снегоходу.

— Слава Богу... Прибыли! Что случилось?

— Да вот со щукой воевать вздумал! — усмехнулся Потапов и указал на скукоженного рыбака. — Кукиш ей показал, а она цап-царап — и пол-руки нету!

— Леш, срочно ко мне...

Нырок заупряился, а Вячеслав подтолкнул:

— Иди, иди. Не зря ведь дрова колот!

Увела Анюта Леху к себе, а в тепле у него рука стала гореть нестерпимым огнем, и она принялась растирать ее, скрюченную от судорог, чтобы разогнать кровь.

— Потерпи, потерпи, — видя, как он кусает губы от боли, утешала суетившаяся хозяйка, а Леха чувствовал, какая забота исходит от нее, как вкусно она сама пахнет.

Анюта накрыла гостя одеялом, обработала руку перекисью, йодом, мазью пахучей намазала, забинтовала. Он же, еле переводя дыхание, чувствуя, как наполняется глубинным теплом синюшная рука, зашевелился, стеснительно потянулся за свитером:

— Что бы без тебя делал? Спасла меня... Ну я пойду?

Но она остановила:

— Сними мокрую одежду! Вот, возьми свитер сына!

— Спасибо, Ань!

Неуклюже надев великоватый свитер и накрывшись курткой, он повернулся к двери, чувствуя себя неуютно в стоптанных валенках, ватных штанах.

— Приходи через часок — краснота на руке мне не нравится, отечность появилась — уж не обморозил ли? Надо будет понаблюдать!

— Переоденусь — приду...

— А я пока ужин приготавливаю! — необыкновенно нежно сказала Анюта и так долго и пронзительно посмотрела ему в глаза, как никто и никогда не смотрел на Леху по прозвищу Нырок.

КАЛИНОВЫЙ БЕРЕГ

Давно он не был на реке, но вот вспомнилось заветное место на берегу, и воспоминание подстегнуло, заставило торопливо надеть сапоги, куртку. Подумав, взял спиннинг, чтобы не идти пустым. Когда собрался, показалось, будто окликнули с улицы голосом Светланы: «Алексей!» Через веранду вышел на крыльцо, но, никого не увидев, вздохнул: «Опять померещилось...»

Частенько Алексей Петрович стал замечать за собой несуразицу. Она и во сне снилась, хотя в такие моменты он словно и не спал, а укрывался невесомой кисеей — все видел и слышал, а если окончательно просыпался, то все улетучивалось. И тогда досада брала, словно от великой потери. Вот и теперь на улице никого не оказалось, лишь безмолвная ворона застыла черной головешкой на березе перед домом. Ворону он замечал уж несколько дней и не понимал, откуда она прилетала и зачем. «Моей смер-

ти, что ли, ждет, окаянная! — сердился Алексей. — Плечи мне пока рано опускать и на тот свет торопиться...» И вспомнил жену, которую Бог рано прибрал: «Вот когда Светлана поманит, тогда, значит, и время придет, а пока чего же блазнить костлявую! На сына с дочкой хочется посмотреть, на внучат. Старший-то теперь самостоятельный — летом университет окончил, а два младших — подростки, уж до чего на выдумки горазды. На них поглядишь и, хочешь не хочешь, себя вспомнишь. Так что их деду пожить надо!»

Над селом нежилось бабье лето, летели паутины, и настроение от неяркого солнышка было таким же неярким, мягким, словно пребывал он в кисейном сне. Дачники к этому дню почти разъехались, а без них на улицах стало пустынно, временами дико; в иной день и человека не увидишь, а оставшиеся жители встречались во вторник и пятницу, когда приезжала автолавка. Запасутся провизией и колготятся по домам, занимаясь мелкими делами.

На этот раз ему встретилась Коблиха, жившая в конце порядка. Она постарше Алексея Петровича, но задора — молодым на зависть, работает в администрации уборщицей и все обо всех знает. Не ходит, а лётает по селу, лишь юбочка серая из стороны в сторону вихляется. Пять минут поговорит, и все новости узнаешь. Не стерпела она и в этот раз, сразу укорила:

— Че ж вчера за хлебом-то не приходил, а? Бабы испереживались: уж не заболел ли случаем?

— Да есть хлеб-то пока, а в пятницу сын свежего привезет.

— Тогда другой разговор. А сейчас-то далеко ли навострился?

— Пойду, блесну побросаю. Глядишь, к его приезду щучку-другую зацеплю.

— Ну-ну — зацепишь... Дачники всех переловили, мелюзгой не брезгуют.

— Говорят, проходящие с верховых озер скатились... Ладно, надо идти, если собрался!

Коблиха всегда уважала его и Светлану, как и все в селе, называла их «врачами», хотя жена работала фельдшером, а он — спокойный, обстоятельный — вместе с ней шофером «скорой». Но где теперь Светлана — всегда торопливая и раскрасневшаяся от заботы, когда Алексей не спешил к машине, чтобы отправиться на вызов, где он сам, если фельдшерский пункт закрыли, а его «буханку» списали. Обо всем этом говорить теперь нет смысла, если не осадить Коблиху, она будет час болтать лишь бы о чем, а ему хотелось прогуляться по приветной погоде, вспомнить давнишние деньки. А рыба? Будет — хорошо, не будет — и без нее обойдется.

До обмелевшей реки и километра нет, но он решил сходить на Сашин омут. Омут назван именем чудаковатого парня, запутавшегося в чьих-то сетях и утонувшего. Давно это было. Но Алексея Петровича более влекла к омуту не рыбалка, а воспоминания о Светлане — любил с ней в молодости хаживать к нему. По вечерам молодежь егосила на «пятачке» вокруг гармошки или под радиолу в клубе танцы устраивала, а они, немного покурившись на виду, спешили по росной тропинке к реке, устраивались под кустом калины, склонившимся над обрывом. И столько у них было разговоров и теплых прикосновений, когда он укрывал Светлану пиджаком, чувствуя, как она дрожит от речной прохлады, — не счесть. Не понимал он тогда, что ее пылающая душа трепетала не от озноба, а от него самого и его горячих губ.

Заветные дни остались в памяти навсегда. Всю жизнь он прожил со Светланой и часто вспоминал калиновый куст. Как-то напомнил о нем, а она не поняла его настроения, отмахнулась: «Мало ли их вдоль реки!» И он более не стал теребить, а когда выбирался порыбачить, сидел у калины, вздыхал, и мог бесконечно смотреть с высоты на воду речного переката, тугими толчками выливавшуюся из черной глубины.

В тот год, когда не стало Светланы, берег в половодье подмыло, и заветный куст исчез, унесло его, растрепало в мутной воде — следов не найти. И вроде бы в этом не виделось ничего необычного, но для Алексея стало двойной потерей, словно кто-то пытался стереть из памяти жену и все, связанное с ней. Но он-то помнил и всегда приносил ранней осенью букет огненных гроздей калины — отмечал ее день рождения. Пусть это были гроздья с других кустов — неважно, главное, что Алексей считал этот подарок лучшим напоминанием о днях их молодости — сочной и незабываемой.

Он давно не появлялся у Сашиного омута из-за нехватки настроения, а сегодня вдруг что-то навеяло, даже голос послышался... Вышел за село знакомой тропинкой, а у разлатого дуба свернул к омуту. В последние годы туда редко кто ходил: лощина заболотилась и, заросшая чертополохом и кустами, почти не просыхала.

Еле заметная тропинка из кудрявившегося ольховника поднималась в горушку, оканчивавшуюся обрывом, и когда Алексей выбрался из зарослей, то растерялся от неожиданности. Там, откуда когда-то наблюдал со Светланой речные струи, переплетавшиеся в лунном свете или в бликах рассветного солнца, склонился под тяжестью налитых пурпурных гроздей молодой куст калины. Он непостижимым образом вырос, как показалось, взамен когда-то унесенного половодьем, и, возможно, ягоды на нем уродились впервые, и оттого показались крупными, упругими, когда он к ним прикоснулся. Даже не решился сорвать, а держал на ладонях, ощущая прохладу и приятную тяжесть.

Алексей присел на обрыв и, забыв о спиннинге, вспоминал день за днем, год за годом — и о том, что согревало в совместной жизни, такой, казалось, короткой и ненасытной, будто находился в этот момент рядом со Светланой. И что можно сделать, чтобы вернуть ее и продлить счастье... Увы, это теперь невозможно, сколько не переживай. Он так и ушел от омута, не сделав ни одного заброса блесны. Пытался и не мог понять, как так получилось, что молодой куст калины вырос на прежнем месте словно для того, чтобы у него не рвались воспоминания, чтобы они всегда жили в душе и бесконечно грели ее.

Вечером он долго не мог уснуть, в какой-то момент догадавшись, что калина появилась не сама по себе, а чтобы он как можно дольше помнил свою молодость и себя в ней. И Светлану помнил, и жил этими воспоминаниями, и никогда не расставался с ними.

Через день приехал сын, переночевал и уехал, и вновь Алексей остался со своими мыслями. А как-то глянул — ворона на березе пропала, и он, повеселевший, отправился к омуту с другим настроением. У калины увидел стаю свистелей, облепивших ее. Птицы не успели оклевать ягоды, поэтому Алексей аккуратно срезал кисти и понес домой, помня, что завтра у Светланы день рождения. Утром он отнесет пурпурные ягоды на ее холмик, а какие останутся — сохранит на веранде. Он и в недавние годы так делал. Калина всю осень горчила, но Алексею казалась самой терпкой и сладкой ягодой. Перед морозами он положит подсохшие кисти меж-

ду оконными рамами, чтобы любоваться ими всю долгую зиму. И ждать новой весны, и нового лета, и новой осени, когда созреют молодые кисти. От этих мыслей, от радости обновления Алексею Петровичу показалось, что все окончательно и навсегда изменилось, не оставив и следа прежнего уныния.

В селе он встретил Коблиху.

— Во, добышной-то! Где же калины-то нарвал? Ее нигде нет в этом году! — удивилась она.

— Нарвал вот. Места знаю. Держи кисточку... Это тебе от Светланы...

Ничего суматошная соседка не поняла, а он ничего не стал объяснять. Неторопливо завернул к своему дому, смешав в душе радость и печаль и все то, что обрушилось на него в эти мягкие дни ласково стелившейся осени.

